ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. П. КАРПОВА
Т. 1

ГЛАВА 5. ВИЗАНТИЯ В IV—XII ВВ.

2. ВИЗАНТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—XI В.

Византийская деревня

В ходе отвоевания захваченных варварами земель, иконоборчества и подавления оппозиционных движений государство упрочило право своей собственности на земли страны, за исключением земель сельских общин и частных земельных собственников. Суть происшедших перемен в отношениях собственности состояла в том, что власти империи взяли под контроль все «бесхозные» земли, включая пустоши и неудобья. На всей территории империи господствовали три вида собственности на землю: полная частная собственность отдельных лиц, коллективная собственность сельских общин на неподеленные, т.е. находившиеся в общем пользовании, земли и, наконец, собственность государства (практически все менее отличимая от императорской).

Государственная собственность состояла как из имений, превращенных в доходные хозяйства (правящей семьи, благотворительных учреждений, правительственных ведомств), так и из гигантского неосвоенного фонда, который императоры использовали в качестве могущественного средства в своей социальной политике и политической борьбе. Жалуя с разной степенью прав и льгот землю гражданским и военным чинам, императоры лавировали между группировками знати, стремясь упрочить трон.

Юридический статус земельной собственности являлся главным фактором, определявшим имущественные и социальные условия жизни всего византийского крестьянства. Разложение сельской общины было ускорено налоговой реформой Никифора I (802—811) и оживлением товарно-денежных отношений. С Никифора I (и до конца империи) казна стала взимать со всех жителей деревни «капникон» («подымное»), т.е. подворную подать с домохозяина, независимо от его имущественного положения. Ранее ее платили только «*парики*» (присельники) церкви.

С тех пор эта категория крестьян (парики) все чаше упоминается в источниках. Безземельный крестьянин получал от господина земли участок на условиях уплаты части урожая либо определенной суммы денег, или за отработки в хозяйстве господина. Иногда эти обязанности сочетались в разных пропорциях по воле собственника земли. В X—XI вв. взносы в пользу

господина приобретали нередко ту форму, которую имел тогда главный поземельный налог в пользу казны. К концу X в. он стал все чаше собираться в денежной форме.

Специфика частновладельческой эксплуатации в Византии состояла в том, что ее уровень определялся обычаем, приравнивавшим официально взносы париков к арендной плате, более чем вдвое превышавшей государственный налог. Поскольку господин перекладывал на париков и казенные налоги с его земельной собственности, их взносы господину втрое превышали платежи крестьян — собственников своих участков. Основное отличие парика от свободного общинника состояло в отсутствии у парика собственности на обрабатываемую им землю, а от свободного арендатора чужой земли — в отсутствии защищенного публичной властью договора с господином земли и в непременном проживании в пределах господской вотчины. В силу всего этого хотя парик юридически оставался свободным и полноправным подданным империи, он, оказавшись в сфере частноправовых отношений, попадал и в личную зависимость. Право парика уйти, рассчитавшись с господином, или перейти к другому хозяину было трудно реализовать: основание хозяйства на новом месте требовало немалых средств. К тому же парик нередко получал от господина вместе с участком помощь (скотом, семенами, орудиями), и единовременная выплата долгов была ему непосильной. Если император жаловал господину освобождение от налогов с его земли, то это означало, что он может их собирать с париков в свою пользу. В таком случае налог по его социальному содержанию становился (вместе с ежегодной платой парика господину за участок) подобием феодальной ренты. Поэтому исследователи трактуют общественный строй Византии как полуфеодальный, ибо и в империи, и в феодальных странах Западной Европы условия жизни крестьян, составлявших в ту эпоху подавляющее большинство населения, оказались весьма близкими.

Парик пришел в крупном поместье на смену полусвободному и свободному арендатору, наемному работнику, колону и рабу. Владение землей становилось источником богатства только при обеспечении ее рабочими руками. Труд париков стал наиболее выгодной формой эксплуатации: они были наследственными держателями. Через 30 лет непрерывного держания семья парика уже не могла быть согнана с ее участка, но лишь при условии выполнения своих обязанностей перед хозяином земли. Парик не приобретал прав собственности на участок и мог быть продан или подарен вместе с ним другому лицу, церкви или монастырю.

Аграрное законодательство императоров Македонской династии

Стремительное распространение парикии серьезно беспокоило центральную власть. Во-первых, потеря земли свободными общинниками и превращение их в париков частных лиц повлекли сокращение и налоговых

взносов в казну, и численности стратиотского ополчения. Во-вторых, корона в ее стремлении обеспечить парическим трудом свои многочисленные поместья столкнулась с острой конкуренцией крупных землевладельцев. Зимой 927/928 г. после катастрофического недорода империю постиг жестокий голод. Спасаясь от гибели, обедневшие крестьяне за бесценок продавали свои участки или отдавали право собственности на них богатым и влиятельным людям (динатам, т.е. «сильным»), становясь их париками, иногда всей деревней. Париками стратигов оказывались и разорившиеся стратиоты, утратившие способность нести воинскую службу.

Троном владели тогда императоры Македонской династии (867—1056), отражавшие интересы высшей гражданской знати (чиновной бюрократии). В течение столетия, с 20-х годов XI в., императоры издали целую серию законов (новелл), которыми пытались помешать распространению парикии и вторжению динатов в общины налогоплательщиков. Государство утвердило право общинников на предпочтительную покупку земли своих односельчан. Затем такое право было дано им на покупку и динатских земель. Проданную менее 30 лет назад крестьянскую землю безвозмездно возвращали прежнему собственнику. Но законы соблюдались плохо. В новелле 934 г. признавалось, что динаты, «презирая императорские законы», продолжают притеснять крестьян, «сгоняют их с собственных полей, вытесняют с принадлежащей им земли». Внутри общин появились богачи: используя право предпочтения, они вполне законно скупали участки своих односельчан, превращая целые общины в свои поместья.

В 996 г. император Василий II Болгаробойца (976—1025) отменил срок давности: крестьянину (или его наследникам) возвращали землю независимо от того, когда она была потеряна. Общинников, ставших динатами за счет односельчан, предписывалось обращать в прежнее состояние. Согласно закону, свободный крестьянин или его наследники в течение 30 лет сохраняли право собственности на свой заброшенный участок, и в случае их возвращения до истечения этого срока независимо от того, кто и на каких условиях в отношении к фиску использовал эту землю, они снова вступали во владение ею, получая на ближайшие годы налоговые льготы. Если крестьянин (или его наследник) не возвращался, его земля переходила в собственность казны, которая или продавала ее, или сдавала в аренду, или использовала для императорских пожалований.

Законы лишь затормозили процесс оскудения мелкого крестьянского землевладения. Сами императоры были непоследовательны в своей политике. Росли их уступки динатам, недовольным мерами центральной власти.

Крупное землевладение

По сравнению с положением в Западной Европе в ту же эпоху византийским крупным владениям были присущи три главные особенности.

Во-первых, они, как правило, значительно уступали западным по размерам и были зачастую разбросаны по разным провинциям, не составляя больших сплошных массивов. Во-вторых, крупная земельная собственность в империи не имела иерархической структуры, вассально-ленные отношения не получили развития. Императоры всё чаше наделяли из фонда государственных земель и из собственных имений отличившихся на службе сановников и военачальников, монастыри и церкви. Сначала среди дарений преобладали *солемнии*, т.е. право взыскивать в свою пользу все или часть налогов в том или ином налоговом округе.

Уже в середине XI в. появился особый вид солемния — *пронция*, представлявшая собой пожалование на срок жизни (в награду за службу) налогов с определенной территории с правом управления ею. Так было положено начало получившим с XII в. значительное распространение условным держаниям от короны, но их сходство с западными ленами было весьма относительным (по своей внутренней структуре пронция отличалась от феода и лена: иерархия земельной собственности ограничивалась здесь одной ступенью: император — бенефициарий).

В-третьих, крупные землевладельцы редко получали от императора освобождение от всех налогов и никогда не располагали полным судебным иммунитетом в пределах собственных владений (право высшей юрисдикции оставалось прерогативой государства). Центральная власть всегда сохраняла контроль над крупным землевладением, сдерживала его рост и оказывала существенное влияние на уровень частновладельческой эксплуатации. Особыми льготами пользовалось в империи, как правило, только монастырское землевладение.

Всё это вызывало растущее недовольство землевладельческой, и основном военной, аристократии. Путь к отмене ограничений и расширению своих владений она видела в возведении на престол ставленника из своей среды — вместо представителя чиновной бюрократии, которая владела и средствами казны, и властью, позволявшей ей самой приобретать земельные владения. Суть вопроса состояла в том, какая из форм эксплуатации крестьян станет главной: централизованная (в интересах чиновничества) или частновладельческая (о чем мечтала военная знать). Конфликт этих двух группировок господствующего класса стал до конца XI в. стержнем политической жизни общества.

Византийский город. «Книга эпарха»

С середины IX в. начался подъем городов в Византии. Свободные мелкие производители-ремесленники и торговцы создавали основную массу продукции, поступавшую на рынок. Мастера и торговцы основными продуктами питания и предметами роскоши были организованы в корпорации — профессиональные объединения нового типа. Хотя и связанные генетически с прежними коллегиями, они отличались от них главным образом тем, что строились не на принудительном, а на

добровольном принципе. Принадлежность к корпорации была не повинностью, а привилегией, вступление в неё было обставлено рядом условий: взнос, наличие материальных возможностей для дела, овладение мастерством, обязательство соблюдать правила. Установленные эпархом (градоначальником), эти правила для 22 корпораций столицы были постепенно сведены в X в. в сборник постановлений — «Книгу эпарха». Ремеслом можно было заниматься и вне корпорации, но такой ремесленник или торговец при получении заказов и продаже изделий и товаров не имел тех льгот, которые были официально предоставлены членам корпорации. Закон защищал их от конкуренции вне корпоративного ремесла. Наибольшие льготы имели корпорации торговцев. Состоятельные члены корпораций использовали труд мистиев (наемных работников) и рабов.

Взамен первоочередного права на получение заказов и продажу своих изделий корпорации были опутаны целой сетью обязательств и ограничений, решительно отличавших их от возникших позднее на Западе средневековых городских цехов. Члены корпорации не имели права избирать главу корпорации — его назначал эпарх. Глава отвечал за уплату налогов и пошлин всех членов объединения и за соблюдение ими не только профессиональных правил, но и принятых норм морали. Члены корпорации под угрозой исключения должны были доносить на своих коллег о любом «слове и деле» против законной власти. Их профессиональная деятельность подвергалась придирчивому контролю со стороны городских чиновников (предписывались объемы производства, запасы сырья, место и время торговли, число и сроки найма мистиев). Была установлена и норма прибыли членов корпорации. Они платили налоги с городской недвижимости (мастерских-лавок), если ее имели, а не брали в аренду, а также пошлину как при закупке сырья и иных товаров, так и при продаже своих.

Тем не менее ремесленное производство и торговля в империи процветали, подъем начался в столице (с середины IX в.), а затем (со второй половины XI в.) и в провинциальных городах. Шелк, художественные изделия из стекла, металла, слоновой кости, дорогая посуда, льняные ткани из Византии снова обрели мировую славу. Возобновилось строительство роскошных дворцов знати, многочисленных богато украшенных церквей. Невиданным для иноземцев великолепием отличались императорские дворцы. Возобновились широкие внешнеторговые связи. Возросло количество денег в обращении. Золотая византийская номисма была желанной монетой на рынках Европы и Азии. Успешно развивалась с начала X в. торговля с Древней Русью. Большую роль в торговле с южнославянскими странами, со странами Ближнего Востока и Западной Европы стала играть Фессалоника, связанная древней крупной магистралью (Via Egnatia) и с Константинополем, и с Адриатическим побережьем. Усилилось значение Адрианополя, Фив, Коринфа, а в Малой Азии — Никеи, Эфеса, Трапезунда, Амастриды. Самым крупным и многолюдным городом всего европейского Средневековья оставался Константинополь — надежно защищенный и с суши и с моря узел мировых торговых связей.

Организация государственного управления

В течение почти 250 лет, начиная с середины IX в., особенно при императорах Македонской династии, совершался непрерывный процесс упрочения власти императора и столичных правительственных ведомств. Они специализировались и дробились. Вместе с дворцовыми службами и канцеляриями число их к началу X в. достигло 60. Огромное значение приобрело налоговое ведомство. Большую роль играло ведомство почты и дорог, осуществлявшее внешние сношения, разведку и тайный сыск.

Каждому сановному лицу присваивался почетный титул. Их было несколько десятков. Они делились на классы и разряды, скрепленные в табели о рангах. Каждому носителю титула была положена, помимо платы за должность, руга — определенная ежегодная сумма денег и парадное одеяние. Каждому были установлены его место и роль в придворных церемониях. Иерархия титулов была громоздкой и сложной. Она охватывала сотни и тысячи представителей гражданской и военной знати. Пожалование титулов — при понятиях того времени о престиже — служило сильным средством политики в руках императора, в том числе политики внешней: титулы даровались также иноземным знатным персонам и нередко были предметом их домогательств.

Лев VI (886—912) заявлял, ликвидируя остатки самоуправления в городах, что ни в чем подобном отныне нет необходимости, поскольку «теперь обо всем печется император». Синклит насчитывал в XI в. не менее тысячи столичных вельмож и несколько тысяч провинциальных (они съезжались в столицу весной для получения руги), но он редко играл серьезную роль в политике, всецело подчиняясь воле императора.

Кроме крупных сановников огромное влияние на управление империей приобрели приближенные к особе государя дворцовые евнухи. Часто они не имели ни высокой официальной должности, ни громкого титула, но на деле правили государством от имени императора. Его доверие к ним объяснялось тем, что евнухи по закону не могли помышлять о высшей власти и представлялись поэтому неопасными. Однако паракимомены (спальничие) не раз решали судьбы трона, тайно переходя на сторону оппозиции. Опасаясь растущего своеволия стратигов, представлявших в это время оппозиционную трону группировку военной знати, императоры стали увеличивать полномочия в провинциях судей — представителей чиновной бюрократии в ущерб власти стратигов. Императоры прибегали также к объединению нескольких фем (особенно пограничных) в крупные административные единицы (катепанаты, или дукаты), отдавая управление ими родственникам и доверенным лицам. Со второй трети XI в., вопреки принятым мерам, провинции стали ускользать от контроля центральной власти. Частые мятежи военачальников-узурпаторов усугубляли дело. В тех фемах (болгарских, грузинских, сербских), население которых входило некогда в независимые государства, вспыхивали восстания, угрожавшие единству империи.

Новый, наступивший с 30-х годов XI в. упадок центральной власти и военных сил империи был связан прежде всего с борьбой внутри господствующей верхушки Византии, а также с начавшимся спадом ремесленного производства и торговли, страдавших от стеснительной опеки властей, непомерных поборов и от «порчи» монеты. Население городов, расположенных прежде всего на морских торговых путях, поднимало восстания, требуя всюду одного — снизить налоги, отменить ограничения, препятствующие развитию ремесла и торговли. Крупнейшим было восстание в столице в 1042 г., когда восставшие захватили часть императорского дворца и сожгли налоговые списки.

Военная знать с последней четверти X в. перешла к решительным вооруженным попыткам отнять власть у ставленника «бюрократов» на троне. Малоазийские военачальники в 70-х и 80-х годах дважды были близки к успеху, стремясь лишить власти юного Василия II. В последней из этих попыток (в 988 г.) император сохранил трон, а может быть, и жизнь благодаря посланному на помощь из Руси отряду, разгромившему узурпатора. Эти мятежи крупнейших полководцев открыли серию восстаний военной знати, следовавших друг за другом в течение полустолетия. С 30-х до начала 80-х годов XI в., менее чем за полвека, на престоле сменилось 10 императоров, 6 из которых были свергнуты. Преемники Василия II на троне, в страхе за судьбу своей власти, стали проводить политику сознательного ослабления армии, отзыва опытных полководцев с постов и их замены гражданскими сановниками и даже евнухами, чуждыми военному делу.

3. ВИЗАНТИЯ В КОНЦЕ XI—XII СТОЛЕТИИ

Последний (третий) этап средневизантийского периода охватывает время от воцарения Алексея I Комнина (1081) до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Это была эпоха Комнинов (1081—1185). Четверо из них оставили глубокий след в истории Византии, а вслед за уходом последнего, Андроника I (1183—1185), стала распадаться и сама империя как единое государство. Комнины полностью отдавали себе отчет в критическом положении своего государства и энергично, как рачительные домохозяева (их и винили-то современники в том, что они превратили империю в свою вотчину), принимали экономические, социальные, политические меры для его спасения. Крушение империи они отсрочили, но упрочить надолго ее государственную систему не смогли.

Аграрные отношения. Экономическая и социальная политика Комнинов

Для истории Византии XII в. характерно проявление двух противоположных тенденций, наметившихся уже в XI в. С одной стороны, имел место подъем сельскохозяйственного производства (в новейшей

историографии это время обозначают как «эпоху экономической экспансии»), с другой — прогрессировал процесс политической дезинтеграции. Расцвет экономики не только не вел к укреплению государственной системы, но, напротив, ускорял ее дальнейшее разложение. Традиционная организация власти в центре и в провинциях, прежние формы отношений внутри правящего класса стали объективно преградой для дальнейшего общественного развития.

Комнины оказались перед неразрешимой альтернативой: для упрочения центральной власти и обеспечения доходов казны (необходимого условия для содержания сильной армии) они должны были по-прежнему защищать мелкое землевладение и сдерживать рост крупного, как и раздачу пожалований и привилегий. Но такого рода политика ущемляла интересы военной аристократии, которая привела их к власти и оставалась их социальной опорой. Разрешить эту проблему Комнины (прежде всего Алексей I) пытались двумя путями, избегая коренной ломки общественно-политической системы, считавшейся незыблемой ценностью. Мысль о переменах в «таксисе» (освященном веками правопорядке) была чужда менталитету византийцев. Введение новшеств почиталось грехом, непростительным императору.

Во-первых, Алексей I стал реже, чем его предшественники, предоставлять частным лицам, церкви и монастырям освобождение от налогов и право селить на своей земле на положении париков разорившихся и не уплачивавших налогов в казну крестьян. Скупее стали и пожалования земли из фонда государства и из имений правящей семьи в полную собственность. Во-вторых, раздачу льгот и пожалований Алексей I стал жестко обусловливать личными связями и отношениями. Его милости были или наградой за службу престолу, или залогом для ее несения, предпочтение же при этом отдавалось людям лично преданным, прежде всего — представителям обширного клана Комнинов и породненных с ними фамилий.

Политика Комнинов могла принести лишь временный успех — она страдала внутренними противоречиями: новые формы отношений между представителями господствующего класса могли стать основой для возрождения государства лишь при коренной перестройке централизованной системы управления, но именно ее упрочение оставалось по-прежнему главной целью. Мало того, раздача пожалований и привилегий соратникам вела неизбежно, сколь бы ни были они в данный момент преданы трону, к росту крупного землевладения, ослаблению свободного крестьянства, падению доходов от налогов и усилению тех самых центробежных тенденций, против которых она была направлена. Военная аристократия одолела чиновную знать, но, сохранив прежнюю систему власти и центральный аппарат управления, она нуждалась в услугах «бюрократов» и при проведении своих реформ оказалась их заложницей, ограничиваясь полумерами.

К рубежу XI—XII вв. в парикии оказалась значительная часть крестьянства. Укрепилась крупная вотчина. Жалуя ее господину экскуссию

(полное или частичное освобождение от налогов), император изымал его владения из-под контроля фиска. Оформлялся сходный с западноевропейским иммунитет: вотчинник получал право сбора в свою пользу судебной пошлины, т.е. фактически — право суда в пределах его владений, исключая права высшей юрисдикции, связанной с особо тяжкими преступлениями. Некоторые вотчинники расширяли домениальное хозяйство, увеличивали производство зерна, вина, скота, втягиваясь в товарно-денежные отношения. Немалое число их, однако, предпочитали накапливать богатства, большую часть которых множество знатных персон и в XII в. обретали не от доходов вотчины, а от выплат из казны и даров императора.

Шире Комнины стали жаловать пронии, по преимуществу на условиях несения военной службы. Современники сравнивали пронию с бенефицием. При Мануиле I Комнине (1143—1180) возник принципиально новый вид пронии — не на землях казны, а на частных землях свободных налогоплательщиков. Иначе говоря, императоры утверждали право верховной собственности государства на земли свободных крестьян. Жалуемое вместе с правом присвоения государственных налогов право управлять пожалованной в пронию территорией способствовало быстрому превращению условной земельной собственности в полную, наследственную, а свободных налогоплательщиков — в париков обладателя пронии, которая по своей социальной сущности превращалась в частное владение.

В поисках средств Алексей I и его ближайшие преемники прибегали к разорительной для свободных налогоплательщиков практике — откупу налогов (уплатив в казну сумму, превышавшую официально установленную с податного округа, откупщик с лихвой компенсировал затраты с помощью властей). Посягал Алексей I и на долю богатств духовенства. Он конфисковывал сокровища церкви на нужды армии и выкуп пленных, жаловал владения тех монастырей, которые переживали упадок, светским лицам в управление с обязательством наладить хозяйство обителей за право присваивать часть их доходов. Проводил он и внеочередные ревизии монастырских земель, частично конфискуя их, ибо монахи скупали за бесценок класмы через продажных чиновников фиска и уклонялись от уплаты налогов, не всегда располагая таким правом.

Крупные вотчинники во второй половине XII в. стали, в свою очередь, жаловать часть своих владений своим приближенным, становившимся их «людьми». Некоторые магнаты располагали крупными отрядами воинов, состоявшими, впрочем, в основном не из вассалов (ленные отношения в империи остались слаборазвитыми), а из многочисленной челяди и наемников, укрепляли свои усадьбы и вводили при них порядки наподобие столичного двора. Углублявшийся процесс сближения социальной структуры вотчины с западноевропейской нашел отражение и в нравах знати империи. Проникали с Запада новые моды, стали устраиваться (особенно при Мануиле I) турниры, утверждался культ рыцарской чести и воинской доблести. Если из 7 прямых представителей Македонской династии

государем-воином был лишь Василий II, то почти все Комнины сами возглавляли в бою свою армию. Власть магнатов стала распространяться и на территорию округи, часто далеко за пределы их собственных владений. Нарастали центробежные тенденции. Попытку обуздать своеволие магнатов и произвол чиновников предпринял узурпатор, двоюродный браг Мануила I, Андроник I. Он снизил налоги, отменил их откуп, повысил жалованье правителям провинций, искоренял коррупцию и жестоко подавлял сопротивление былых соратников Мануила. Магнаты сплотились в ненависти к Андронику. Отняв у него в результате кровавого переворота трон и жизнь, представители земельной аристократии и основатели новой династии Ангелы (1185—1204) практически ликвидировали контроль центральной власти над крупным землевладением. Земли со свободными крестьянами щедро раздавались в пронии. Имения, конфискованные Андроником, возвращались прежним хозяевам. Были снова повышены налоги. К концу XII в. ряд магнатов Пелопоннеса, Фессалии, Южной Македонии, Малой Азии, утвердив свою власть в целых регионах, отказали в повиновении центральной власти. Встала угроза развала империи на независимые княжества.

Византийский город в конце XI — XII в.

Начавшийся в IX—X вв. подъем ремесла и торговли привел к расцвету провинциальных городов. Проведенная Алексеем I реформа монетной системы, увеличение массы разменной монеты, необходимой для розничного товарооборота, определение четкого соотношения между монетами разного достоинства оздоровили денежное обращение. Расширились и укрепились торговые связи сельской округи с местными городскими рынками. В городах, близ крупных монастырей и вотчин периодически устраивались ярмарки. Каждой осенью в Фессалонику съезжались купцы со всего Балканского полуострова и из иных стран (в том числе из Руси).

В отличие от западноевропейских византийские города не были под юрисдикцией знатных персон. Ими управляли наместники государя, опираясь на гарнизоны, которые состояли тогда в основном из наемников. С падением доходов от налогов с крестьян росло значение поборов и пошлин с горожан. Города были лишены каких бы то ни было налоговых, торговых, политических привилегий. Попытки торгово-ремесленной верхушки добиться более благоприятных условий для своей профессиональной деятельности по-прежнему сурово пресекались. На городские рынки внедрялись крупные вотчинники, развертывавшие оптовую торговлю с иностранным купечеством. Они приобретали в городах дома, подворья, склады, лавки, суда, причалы и всё чаще торговали без посредничества городских купцов. Иноземные негоцианты, получавшие льготы от императора в обмен на военную поддержку, платили в два-три раза меньшие пошлины, чем византийские торговцы, или не платили их вовсе. Горожанам пришлось вести тяжелую борьбу и с магнатами, и с государством. Союз

центральной власти с городами против непокорных магнатов в Византии не сложился.

К концу XII в. признаки грядущего упадка едва наметились в провинциальных центрах, но ярко проявились в столице. Мелочная опека властей, система ограничений, высокие налоги и пошлины, консервативные принципы управления душили корпорации. Ремесло и торговля в столице хирели. Итальянские торговцы находили все более широкий сбыт для своих товаров, которые стали превосходить византийские по качеству, но были значительно дешевле их.